В.И. Уколова[1]

Империя: исторический опыт Рима

В течение двух последних десятилетий проблематика власти, казалось бы, изученная и закрытая классической традицией, не только возродилась, но пронизала многие направления исторических и вообще гуманитарных и социальных исследований. Более того, размышления о власти стали константой общественного сознания мирового сообщества и России. Это свидетельствует прежде всего о коренных сдвигах в системе мировых властных отношений, о переходе к принципиально иным формам управления в условиях глобализации, об изменении мирового ландшафта после крушения Советского Союза, наконец, о поисках собственной идентичности, которые характерны сегодня для субъектов постсоветского пространства, и для Европы, и для исламского мира, и для «дальневосточных тигров».

В проблематике власти особое место занимает изучение империй, как бы обрамленное двумя взаимоисключающими утверждениями: «Время империй кончилось!» и «У нас на глазах империя обретает плоть».

При всем многоголосии в интерпретации проблемы империй сторонники разных позиций так или иначе обращаются к историческому опыту или хотя бы к образу Римской империи. Так, в совместном итало-американском исследовании «Империя» авторы подчеркивают, что Римская империя – «та модель, которая положила начало евро-американской традиции, приведшей к современному миропорядку»[2]. Вальтер Швиммер, недавно покинувший пост Генерального Секретаря Совета Европы, отмечает значение наследия Римской империи для строительства Pax Europeana не только на долгом историческом пути, но и в современности[3]. А фундаментальное издание Колумбийского университета «После империи» открывается обращением к высказыванию Льюиса Мамфорда: «Рим остается значительным уроком, которого следует избежать»[4].

Попробуем же наметить некоторые контуры римской имперской модели, важность которой сегодня становится все более очевидной. Начнем со слова «империя». Некогда святой Августин в своем сочинении «Против академиков» заметил: «Когда предмет, ради которого слова употребляются, ясен, то о словах спорить нет необходимости». В случае с империей оказывается, что и предмет недостаточно ясен, и слово, его обозначающее, и понятие не вполне определено[5]. Некая «выжимка» из расхожих определений может быть представлена следующим образом: «Большинство ученых очевидно согласны, что каждая империя состоит из того, что может называться центром, и того, что называется периферией. И большинство должно согласиться, что как центр, так и периферия, раз уж они существуют, расположены в ограниченном географическом пространстве, населенном различающимися в культурном отношении элитами и народами».[6] К этому можно было бы добавить, что империю вслед за Максом Вебером мыслят прежде всего как государство, и государство это возглавляется монархом. В последнее время добавилось понимание империи как некоей виртуальной интенции мирового развития[7].

Однако вернемся к слову. Само слово «*imperium*» – производное от глагола «*imperare*» – властвовать, управлять. Понятие «*imperium*» – это первоначально «власть», «высшие полномочия, неограниченные полномочия». Исключительно в этом смысле оно употреблялось, по крайней мере, до I в. до н.э. Передача «*imperii*» – наделение высшей властью и полномочиями консулов и других высших магистратур – осуществлялось народным собранием по «*Lex curiata de imperio*». В республиканском Риме также существовала магистратура «*imperator*», т.е. высший военачальник, который на ограниченный срок (от 3 до 6 месяцев) наделялся всей

---

[1] Уколова Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

[2] *Хардт М., Негри А.* Империя. М. 2004. С. 381.

[3] *Швиммер В.* Мечты о Европе. М. 2003. С. 5–9.

[4] After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. Colorado / Oxford. 1997. P. I; Mumford L. The City of History. New York. 1961. P. 24.

[5] О понятии «империя» см.: *Duverger M.* Le concept d'Empire. P. 1980. Pp. 5–23.

[6] *Motyl A.J.* Thinking about Empire. // After Empire... P. 20.

[7] См., например, *Barnet R., Cavanagh J.* Global Dreams; Imperial Corporations and New World Order. New York. 1994.

полнотой власти в период наиболее тяжелого военного положения республики. Пожизненными императорами были провозглашены Сулла и Цезарь, но они еще не были правителями империи в понимании великой державы. Однако уже в I в. до нашей эры вызревает особое понимание империи как соединения высшей вселенской власти и определенной территории и народа. В человеческом мире вселенская власть трансформируется в определенную политическую систему. И только со II в. н.э. понятие «*imperium*» сливается с «*aeternitas*». Вечность мыслилась как один из важнейших атрибутов империи. Еще у Тита Ливия римляне истолковали одно из предзнаменований следующим образом: «То, что Термин (бог границ – *В.У.*), единственный из богов, остался не вызванным из посвященных ему рубежей и сохранил прежнее местопребывание, предвещает, что все будет прочно и нерушимо. За этим предзнаменованием незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы...»[8]. У Вергилия, наиболее ярко отразившего римскую ментальность, Рим венчает все и всему предшествует. Для поэта, как и для его героя, «*Hic amor, haec patria est*».(Verg. Aen. IV, 347), при этом «*amor*» зеркально отражает «*Roma*»[9].

За всем, что свершается, стоит Рим как цель и как смысл. Рим – вечное связующее начало мира, и прежде всего начало властное. «*Proderet actotum sub leges mitteret orbem*». (Verg. Aen. IV, 231). «*Tu regere imperio populus, Romane, memento*». (Verg. Aen. YI, 851).

«Вечность» Рима была перенесена на империю, которая собственно и мыслилась как Рим, расширившийся до вселенских пределов. Вергилианская «*imperium sine fine*» (Verg. Aen. I, 278;VI, 781) с поэтических страниц перешла в правовые документы. Даже после падения Западной Римской империи в Конституции императора Юстиниана подчеркивается: «*Deo propitio in aeternum*». Кстати, от Рима идет то, что все последующие империи, по крайней мере официально, пытались репрезентировать себя как незыблемые и если не вечные, то очень долговременные образования.

В римском мироощущении вечность и незыблемость неразрывно связаны с законом. Слово «*lex*» в латинском языке означало не только «закон», «юридическую норму», но и «мир», «договор», заключенный на определенных условиях, и даже во множественном числе – «*leges*» – «власть». В этих аспектах «*lex*» созвучен понятию «*pax*».

Напомним, что римлянами империя мыслилась как «*Pax Romana*», т.е. мир, существующий и функционирующий на основании договора, а в более фундаментальном смысле – на основании закона, обретшего форму вселенской власти – «*imperium*». Вергилий писал: «*Imperium terris aequabit Olimpo*» (Verg. Aen. VI, 782). В то же время Римская империя самоопределялась как «*orbis terrarum*» – «круг земель», отражающий совершенное мировое кругоустройство, как «мир», объединяющий земли, племена и народы, консолидирующий территориальное, политическое и культурное пространство.

При определении империи лишь как государства ускользает нечто особенно важное, быть может, наиболее полно выражающее суть империи, – она не только государство. Империя больше государства. Это особая форма объединения общества, точнее – суб-обществ, система их коммуникаций, осуществляемая в большом анизотропном территориальном и социальном пространстве. Не случайно римский лимес, при том, что он был значительно укреплен, не был абсолютно жесткой границей. Империя имела «сферы интересов» и «сферы влияния» и далеко за своими условными границами. Наличие таких «сфер», выходящих за пределы империи, – одна из важнейших характеристик ее существования. Это свойственно всегда «пульсирующей» империи, устремленной вовне, жаждущей дойти до пределов пространства и влияния, в которых реализуется ее исторический смысл и для которых она является горизонтом политических, цивилизационных и культурных коммуникаций. Такая интенция делает империю одновременно реальностью и над-реальностью. Империя как над-реальность продолжает жить и тогда, когда реальная империя гибнет, еще долго продолжая определять трансформацию пост-имперского пространства.

Социальность совершается в пространстве. Смысловая структура пространства есть компонент смысловой составляющей социального действия, причем, поскольку социальность вменяется человеку как «деятелю», то пространство может оказаться и социально-антропологической характеристикой. Так, в Римской империи за пределами охватываемого ею «*orbis terrarum*» кончались и «человечность», и социальность – там бушевала неорганизованная варварская стихия. Достоинство человека и его значение как социального субъекта признавались за гражданином – «*civis*», империя в конце концов распространила это признание на все свободное население в ее пределах. Конституция императора Каракаллы стала важ-

[8] *Titus Livius.* Ab Urbe condita libri. I, 55.

[9] *Топоров В.Н.* Вергилианская тема Рима. // Исследования по структуре текста. М.,1987. С. 198.

ным рубежом в развитии античного мира и выявлении «смысла» империи на пути продвижения к «универсальному человечеству».

Римский универсализм стал и смысловым контекстом создания и функционирования империи. Отсюда понятен ее экспансионизм: его нельзя рассматривать только как жажду приобретения новых территорий, новых подданных и новых богатств. Римские легионеры не только покоряли местное население, но и несли ему цивилизацию, строя дороги, города (вспомним, что немало европейских столиц и крупных городов выросли из римских «*castra*»), приобщая его к более высоким формам государственного и общественного управления. Вместе с тем римляне, как правило, не нарушали культурной и религиозной самобытности народов, входивших в единую систему империи, – напротив, взаимодействуя с ними, римляне обогащали свою имперскую цивилизацию, и такого рода интеграция способствовала более полному выявлению универсального смысла имперского (а в контексте римской ментальности – всечеловеческого) единства.

Этот смысл очень органично «перетек» в доктрину христианской церкви, уже нашедшей в IV в. общий язык с империей. Церковь осуждала языческую реальность империи, но возжелала стать преемницей ее вселенской власти, ее универсализма. «*Civitas Dei*» Августина несомненно соотнесен с «*Urbs Aeterna*», а учение папы Григория Великого о теократии продолжило в новых условиях распадавшегося, воюющего мира традицию римского великодержавия и империализма, облаченного в новую религиозную форму. Не только из признания равенства всех верующих перед богом, но и из имперского универсализма выросла идея о более совершенном единении человечества – *Pax Christiana*, форме человеческой общности, скрепляемой и направляемой уже не властью обожествляемого императора, но единого истинного Бога.

Принято считать, что империя – это исключительно централизация власти, т.е. что центр навязывает свои властные модели через создаваемые этим же центром механизмы.

Реалии римской империи позволяют задуматься над таким утверждением. Об этом свидетельствует дифференциация римского права гражданства и статус не-римлян, сосуществование в отдельных территориях империи своих систем права и даже своих форм высшей власти – вспомним хотя бы классический пример Иудеи или Армении. Сохранялись и традиционные культуры, и формы социальной организации. Это не препятствовало осмыслению империи как трансцендентного порядка, который в реальности осуществлялся как единство в многообразии. Попытка преодолеть эту дихотомию власти была предпринята императором Каракаллой, даровавшим римское гражданство всем своим свободнорожденным подданным. Это было своеобразным выравниванием социального пространства империи в предчувствии возможности ее распада – как под влиянием внешних воздействий, так и вследствие воздействия разрушения имманентной дисциплины империи. Угрозой единству империи стала ее инструментальная многофункциональность и анизотропность.

Еще раз отметим, что термин «империя» обычно используется для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу. Несмотря на произвол и порой чудовищное поведение императоров, что, казалось бы, должно было свидетельствовать об абсолютной власти императора, очень долго не происходило отождествления императора и империи, подобного тому, как это стало происходить в средние века, когда империя подчас мыслилась как «священное тело правителя», подобно тому, как церковь мыслилась как тело Христово.

Не случайно, начиная с Августа, основателя империи, империя позиционировалась как республика. Август сосредоточил в своих руках все высшие магистратуры республики и в силу этого стал принцепсом, первым не только в списке сената, но и в республике – общем деле римского народа. Эту вполне демагогическую традицию продолжали и его преемники вплоть до Аврелиана и Диоклетиана, когда император уже провозглашается «богом и господином». Но это уже знак трансформации и, в сущности, заката империи. Фигура императора становится единственным центром, но сама империя децентрализируется. Меняются столицы, Рим приходит в упадок, устанавливается вначале тетрархия, а затем все более четко нарастает дихотомия власти и государства.

В связи с этим попытаемся вернуться к истокам империи. При политологическом рассмотрении империи доминирует утверждение, что в империи господствует командное управление. Или еще грубее – административно-командное, причем такое определение отнюдь не связывается только с Советским Союзом, а распространяется на империю вообще. В данном случае мне кажется полезным обратиться к концепции власти и управления, предложенной Мишелем Фуко[10]. Он рассматривает такой тип управления, который называет «дисципли-

[10] См.: *Foucault M.* Naissance de la biopolitique. // Dits et ecrits. P. I994. T. 3. Pp. 818–825.

нарным». Фуко очень тонко описывает дистанцию между трансцендентностью власти и имманентностью дисциплины управления, используя модели диспозитива и диаграммы, выражающие несколько последовательных уровней абстракции власти и управления. Диспозитив – механизм, аппарат и даже развертывание, определяющие общую стратегию власти, лежащую в основе имманентного и повседневного проявления дисциплины. Диаграмма обеспечивает развертывание дисциплинарного диспозитива. Он приводит пример тюрьмы: тюрьма, ее стены, администрация, надзиратели, правила внутреннего распорядка не управляют заключенным подобно тому, как суверен управляет своими подданными. Она создает пространство, в котором заключенные, вследствие действия диспозитивов и повседневных практик, сами подчиняются дисциплине.

Нечто подобное происходит в империи. Пространство империи – это не территория, это мир жизни с аксиологическими, правовыми, психологическими ограничителями, т.е. с ориентирами, ценностями, запретами, которые касаются жизни каждого человека. Это сфера, которой в последние годы стала заниматься биополитика. И на этом направлении открываются большие исследовательские перспективы. Тем не менее, можно констатировать, что римская империя держалась не только легионами, репрессивным аппаратом, законами, но прежде всего имманентной дисциплиной подданных. Показательно, что на закате империи римские авторы, например, Сальвиан, заявляют, что само имя «римлянин» стало постыдным и лучше уйти к варварам, чем продолжать жить в империи.

Далее, хотя империя основывалась и на определенной легитимации, она часто использовала и более широкие потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходившие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империю частей или систем управления.

Итак, империя предстает как фон и смысловой горизонт для живущих в ней. Сочетание потенциала экспансии с имперской идеей образует идеальную границу империи, ее «*orbis terrarum*». Величина пространства внутри империи отчасти подобна обобщенности нормы: без достаточной абстрактности нет надлежащего охвата, без последующей спецификации применительно к более ограниченной категории участников взаимодействия норма лишена инструктивной силы. Внутри огромного имперского пространства неизбежно многообразие. Можно предположить, что цепочки коммуникаций, общий горизонт которых – далекая и всегда пульсирующая граница империи (в пространственном, политическом, культурно-цивилизационном смысле, хотелось бы сказать – и в виртуальном, в смысле образа и образца) в неспецифицированном виде рассредоточиваются, но на самом деле образуют сложнейшую сеть – сеть всех возможных уровней и регуляторов управления. Империя выступает как мотивационная сила, укорененная в трансцендентном римском универсализме.

Можно заключить, что римская империя как целое представляет собой уникальный цивилизационно-культурный феномен, первую удавшуюся попытку реализации важнейшего культурного смысла человеческой истории – ее универсализма.

При таком подходе к империи важно отдавать отчет, что смысл выявляется лишь при условии его тематизации. Элементы смыслового фона конденсируются при повторении в качестве особенной темы. Эта тема есть тема коммуникации, цепочка коммуникаций образует систему, система может обрести форму элитной группы. Элитная коммуникация необходима империи, это одна из ее важнейших скреп, при ослаблении которой ослабляется и империя. В свою очередь, элита делает империю темой своей коммуникации, конституируясь через имперскую коммуникацию как особый социальный слой. Элита или элиты самоосуществляются, только соотносясь определенным образом с имперской идеей, имперской властью, и всем спектром форм их реализации. Элита политическая непосредственно реализует эту идею на практике, она включена во властные и управленческие структуры, тем самым способствуя осуществлению имперской реальности как реальности государственной. Политическая элита – это центр и движитель всей системы империи.

Культурная элита, и прежде всего интеллектуальная, в Риме в значительной степени практически совпадавшая с политической элитой, своей деятельностью обосновывает и оправдывает существование империи не только в прямолинейно идеологическом, но и в философском и культурном смыслах. Политическая и культурная элиты также создают эталоны морали, поведения, быта, моды, даже внешнего облика, определяя сам образ жизни, повседневность империи.

Религиозная элита сакрализует идею империи и ее реальность, тем самым придавая им архетипический статус, универсализируя их, т.е. соотнося с божественностью и вечностью.

Более того, даже небольшие нонконформистские группы, как правило, сплачиваются на базе своего неодобрительного или критического отношения к империи или чаще к отдель-

ным сторонам ее функционирования или даже лицам, эту империю олицетворяющим, вплоть до императора. Но и в этом случае империя является темой их коммуникации.

Империя, таким образом, составляет смысл и предел коммуникации элиты, которая занимает в пространстве империи, и реальном, и условно-историческом, определенное место или, точнее говоря, места. Не случайно, например, политическая элита концентрируется в политических центрах и прежде всего там, где находится император. Тематизация имперского горизонта происходит в более узком горизонте, различном для различно размещенных и поразному сочетающих горизонт империи с горизонтом своего пространственного размещения групп и особым выстраиванием того, что можно назвать «политико-сценической ситуацией».

Императорский Рим усовершенствовал систему взаимоотношения элит с империей и внутри империи. Центральная власть постоянно кооптировала в свои ряды представителей периферийных элит как самой Италии, так и все более расширявшейся территории империи. И речь идет не только о членстве в сенате или о высших должностях в провинциях. В центре круговращения элит был императорский трон. Вспомним хотя бы, что «лучший римский император» Траян был выходцем из Испании и что со времен Северов императорами становились, как правило, уроженцы провинций – Африки, Сирии, Паннонии и др. Происходила и «провинциально-столичная» циркуляция элит, и интеграция различных этнических элит в политическую систему империи. В III в. в связи с ослаблением центральной власти этот процесс приобретал все более неуправляемый характер. Императорский трон стал игрушкой в руках преторианской гвардии и легионов. Всеобщий кризис охватил империю, поразив все стороны ее жизни. Империя перестала быть гарантом закона и защиты своих подданных. Иерархическая модель политической и социальной организации, характерная для империи, дала множество трещин. На трон стали посягать даже простые солдаты. Все это привело к тому, что римские провинции и их элиты перестали отождествлять себя с империей как целым и с императором как носителем центральной власти. Общий горизонт империи был разрушен, и начался стремительный процесс выделения провинций в самостоятельные политические единицы, противостоящие империи, но в то же время и как бы копирующие ее. Даже «своя» Галлия, связанная с Римом, казалось, нерасторжимыми узами, в 258 г. объявила себя независимой «Галльской империей», а за нею последовали Испания и Британия. И хотя при Диоклетиане империи удалось выйти из затяжного кризиса, и доминат приобрел черты жестко централизованной абсолютной монархии, для Римской империи как единого целого это оказалось иллюзией. Уже в начале IV в. при Константине Великом империя разделилась на Западную и Восточную, а 395 г. лишь обозначил окончательность и бесповоротность распада. Западная Римская империя неуклонно двигалась к гибели, а ее имперская элита объективно способствовала этому процессу.

Имперский центр на Западе утратил волю к власти. Даже монархи уже не руководствовались желанием сохранить империю. Рим давно уже перестал быть реальной столицей империи, оставаясь тем не менее ее сакральным средоточием, сердцем мира. Но для самих императоров распадающейся империи он, похоже, утратил эту свою функцию. Не случайно во второй половине IV в. так легко, с императорского соизволения, был упразднен культ богини Ромы. Борьба вокруг Алтаря Победы, завершившаяся поражением «римских патриотов», стала подтверждением того, что римские императоры, десакрализируя Рим, подрывали устои собственной власти.

Рим делал «своими» «чужие» племена и народы, интегрируя их в имперскую систему и тем самым в свою цивилизацию. Если прежде Рим, распространив свое гражданство на всех свободных жителей империи, обогатил политические традиции и имперские институты, то в «стареющий век» Рима, когда империи уже недоставало сил ни охранять свои границы, ни тем более хранить свои устои, эти «чужие» варваризируют империю и в этническом, и в политическом, и в культурном отношениях[11]. Вандал Стилихон на Западе и гот Гайна на востоке – яркие примеры новой варваризации власти, когда империя уже по существу перестает принадлежать римлянам, становится не римской, а в перспективе и не-империей. На заре империи варвар приходит как заложник или наемник, на ее зените – как тот, кто взрывает империю изнутри и извне. Вначале варвар «зачарован» цивилизацией и стремится разными путями приобщиться к ней, в конце – правящее меньшинство империи уступает варвару свои властные функции, довольствуясь иллюзорной ролью господина в разрушающемся мире. Происходит варваризация римской элиты, начинающей подражать варварам в одежде, поведении, управлении. У римских магнатов появляются дружины на манер варварских. Имперская элита хочет

[11] О роли «варварства» в судьбе современных империй см.: Новые варвары.// *Хард М., Негри А.* Указ. Соч. С. 203–206.

удержать свое политическое господство, свой авторитет, пользуясь не свойственными Риму методами и формами, а это уже непреложный знак скорой гибели.

Еще в III в., даже во время системного кризиса империи, варвары стремились «сделать карьеру» как римляне, вписаться в римский порядок власти и жизни. Они изменяли свои варварские имена на римские. В IV в. германцы, находившиеся на римской воинской службе, уже не желали менять свои варварские имена. Римская армия становилась варварской не только по этническому составу (такой она была уже давно), но и по существу, и по облику. Варвары проникли и в «святая святых» римской политической и государственной жизни. Для германских вождей уже показалось мало возглавлять войска, они добивались и высоких гражданских магистратур. Так, например, во время правления императора Феодосия I консулами были избраны германцы Рихомер, Меробауд и Бауто. В V–VI вв. начинается делатинизация римских имен, а в VII–VIII вв. варварские имена абсолютно преобладают в пост-римском пространстве, хотя известно, что численно варварский элемент составлял меньшинство населения.

В конце концов романизированные варвары подчиняют себе даже императорскую канцелярию, проникают в ряды чиновничества. Обычно в качестве одной из причин упадка империи называют чудовищную бюрократизацию разросшегося управленческого аппарата. К этому следовало бы добавить – его варваризацию и депрофессионализацию. А управление такой сложной системой, какой является империя, требовало профессионализма от управленцев любого уровня. При депрофессионализации происходит разрушение имперской управленческой иерархии изнутри.

Варваризировавшееся чиновничество империи было коррумпировано сверху донизу. И скорее эта коррупция (когда римские чиновники разворовали средства, выделенные императорской казной на переселение беженцев -готов и тем самым обрекли на голод и смерть их семьи), а не наступательная наглость варваров спровоцировали страшное вторжение готов в империю. В 378 г. римская армия потерпела от них сокрушительное поражение при Адрианополе. Исчезновение в этой битве императора Валента, командовавшего римскими войсками, стало предостерегавшим римлян «знаком гибели», которому они, однако, не вняли.

Цивилизованные римляне стремительно скатывались к варварству, а варвары, как показал V век, стремительно накатывались на империю, желая не столько «стать как римляне», но «иметь то, что имели римляне». Две волны варварства – внутренняя и внешняя – столкнулись, образовав смерч, стерший с лица земли империю.

Центральной властью время от времени делались попытки остановить распад усиленным правотворчеством. Однако обилие императорских указов и даже кодификация права при Феодосии II (осуществленная на Востоке, но имевшая большое значение и для Запада) не помогли преодолеть общественный хаос. Законы не исполнялись, правовые нормы отвергались в реальной жизни и властью, и подданными. Не случайно «*latrocinium*» становится в последнем веке Рима весьма употребительным словом, его прилагают и к обозначению разбоя на улицах и дорогах, захлестывающему империю, и даже к упоминанию вселенского собора, собравшего благочестивый «христианский цвет» империи.

Неплодотворность правотворчества была одним из симптомов кризиса смыслопроизводства империи, которое предполагало религиозно-идейно-культурное обеспечение постоянного воссоздания имперской реальности и над-реальности. Без такого обеспечения не могло быть пространственно-исторической целостности, государственно-политического единства, вне которых империя немыслима. Базовые римские модели власти, авторитета, общества, концепции человека и мироустройства распадались, а замещение их новыми (христианскими) на Западе вместо укрепления империи становилось мощным фактором ее дестабилизации. Теодорих Остготский, стремясь приобщиться к империи через римскую практику императорского усыновления, обратился с соответствующим посланием к императору Восточной Римской империи Анастасию. После трех веков непрерывных войн король франков Карл Великий сделает попытку «воскресить» Римскую империю на Западе. В 800 г. папа в Риме возложил на его голову императорский венец. Однако то была эфемерная реставрация. Римская империя исчезла как реальность (заметим, что для средневекового Запада Восточная Римская империя никогда не была вполне Римской), но осталась как идея, политико-формирующая и государственно-строительная, как смысл исторического пространства, и освоенного, и того, что предстояло освоить в многовековой экспансии Запада; как обещание возможности нового объединения стран и народов в «*pax*». Очередной попыткой последовать примеру Римской империи была Священная Римская империя германской нации, просуществовавшая с 962 по 1806 гг.

Константинополь же легитимизировал свой имперский статус как «новый Рим», «второй Рим». Причем это был не только и не столько политический лозунг или «исторический об-

раз», предполагающий преемственность имперской традиции. В глазах подданных Восточной Римской империи, и в широком ареале своего влияния Константинополь и **был** Римом, ибо еще в поздней античности самим римлянам было, по существу, безразлично, где конкретно находился центр или центры управления империей – в Никомедии, Милане или Равенне. По выражению известного позднего римского поэта Рутилия Намациана, Рим «сделал весь мир Градом», т.е. Град, Рим был везде, и Град стал всем. Таково главное свойство империи – быть не только ограниченным (имеющим границы) государством – это ее внешняя сторона, – но организовывать пространство и социальную жизнь тех, кто его населяет.

Империя как смысл исторического пространства и как цель исторического движения органично выросла из римского язычества, римского миросозерцания. Однако ко времени императора Юлиана (361–363 гг.) оно уже изживало себя и как религиозная, и как политическая сила. Политика Юлиана, который стремился возродить древние культы и на их основе создать единую религию с догматикой, теологией и корпоративной жреческой организацией, была последней вспышкой, трагическим, но и вполне понятным последним подъемом язычества, всплеском римско-эллинского духа, которому затем еще предстояло совершить исторически необходимый труд – создать четкие формы воплощения христианства. Наступала эпоха выработки христианских догм и обрядовости, эпоха соборов и ересей.

Когда жизненное начало греко-римского политеизма изжило себя, философы попытались рациональным путем создать религию. По существу, язычество «последних римлян» Претекстата, Симмаха или Макробия приближается к своеобразному монотеизму. Не зря ведь Юлиан, возрождая язычество, все же выделил как главный культ поклонение единому богу – вечному Солнцу, очень мало напоминавшему антропоморфного Гелиоса времени греческих полисов. И языческая философия позднего Рима упорно ищет единого бога. Язычество в лице последних своих философов-неоплатоников Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла делает последнее усилие: в соединении рационализма и мистики стремится дать величайший синтез античного миросозерцания. Устремившись к бесконечному, которое есть все и есть ничто, античная мысль все же оперлась на свое давнее оружие – диалектику и абстрактные логические построения. Юлиан, который хотел дать народу обновленное и усиленное язычество, на самом деле предложил недоступную ему философию, понятную лишь узкому кругу избранных и уже в силу этого не способную быть связующей духовной силой общества. Язычество «бытовое» все более вытеснялось христианством на периферию сознания и жизни общества.

Отвлеченная мысль, силящаяся выразить в логических формах или мистических озарениях сверхчувственное, пришла к отрицанию того, что составляло жизненную силу эллинско-римского политеизма, – возможности воплощения святынь в чувственных формах, непосредственного общения с богами. Античные боги на земле умирали, превращаясь в надмирные, эфемерные начала, становились символами, вместе с ними становилась символом и империя, все больше утрачивая свое реальное существование.

На Западе, особенно в среде высшей римской аристократии, как бы оцепеневшей в последнем языческом трансе, было немало защитников древней религии. И эта защита носила как религиозный, так и политический характер. Римский политеизм питал римскую государственность, римскую империю. Культ Рима и культ императора были идейными стабилизаторами и организующими факторами империи, не менее важными, чем ее администрация и ее армия. Для Претекстата, Флавиана или Симмаха противостоять христианству означало противостоять всему не-римскому, не-имперскому, варварскому.

Великое наследие Рима, его слава, по их разумению, должны были быть переданными потомкам, и даже императорам было не дано посягать на них. В многочисленных запретах императоров отправлять языческие культы, в лишении языческого жречества государственных субсидий и храмовых помещений, «последние римляне» усматривали угрозу самой империи, но этого не желали замечать вознамерившиеся реформировать ее с помощью христианства римские монархи. Лишившись государственной поддержки, римское язычество было обречено на умирание, но и императорская власть на Западе в лице христианства скорее приобрела соперника, чем союзника. Будучи не в силах преодолеть полностью культ Рима и культ императора, христианство трансформировало и вобрало их в себя: на Западе они питали концепцию теократии с ее идеей господства папского Рима над миром, духовной власти над светской, а на Востоке – представления о слиянности церковной власти и власти императора как непреложном условии религиозной праведности и консолидации государства и общества. При том, что отцы церкви, христианские теологи, новая религиозная, культурная и смыслопроизводящая элита были непримиримыми врагами языческого Рима, они формировали новый духовный и политический универсум в смысловом и политическом пространстве империи. Их новый универсализм был взращен в колыбели римской вечности и римской вла-

сти. В исторической перспективе римско-католическая церковь пыталась стать преемницей римской империи и заново интегрировать мир в *Pax Christiana*, который воплотил бы в себе не только новый религиозный смысл, но и смысл воспринятой от империи и трансформированной вселенской власти.

Тень Римской империи лежит на всей последующей истории Европы, точнее – христианского мира и даже ново-европейской цивилизации в широком понимании. Напомним, что в V в. погибла **не вся** Римская империя. История «предложила» два возможных пути для разных частей некогда единой империи. Западная Римская империя прекратила свое существование, на ее территории образовались недолговечные варварские королевства, правители которых – вожди варварских народов, бывших одной из сил, разрушивших империю, – тем не менее были «зачарованы» ею. Они всеми доступными им средствами демонстрировали свое «родство» с империей, преемственность своей власти и власти имперской, тем самым делая его не бескачественной протяженностью, но «родством с миром», имевшим и реализующим определенный исторический, политический и культурный смыслы, осуществляющим «единый порядок» как земное отражение космической универсальности.

Translatio imperii – процесс гораздо более сложный, чем простая передача власти или филиация государственной формы. Это непрекращающееся воспроизведение исторического смысла, универсализма, воплощенного в империи. И на этом пути «третий Рим» – Москва – был естественной ступенью трансформации римского имперского наследия.

Империи нового времени тоже своей идеальной моделью имели римскую империю, позаимствовав у нее не только самоопределение «*imperium*», но и ее главное стремление – перестать быть государством со строгими границами и превратить свои владения в «мир», в расширяющуюся сферу политической и цивилизационной экспансии. Римская империя на протяжении всей пост-римской истории продолжала оставаться важной составной частью фона развития и смыслового горизонта европейской, а в значительной степени – и мировой цивилизации.